

ЛЕВ

ГУМИЛЕВ

ЭТНОСФЕРА: ИСТОРИЯ
ЛЮДЕЙ И ИСТОРИЯ
ПРИРОДЫ

Лев Гумилев

**Этносфера: история
людей и история природы**

«ФТМ»

Гумилев Л. Н.

Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,

Вновь к читателю приходят уникальные произведения выдающегося русского историка, географа и этнолога Л.Н.Гумилева, печатавшиеся на протяжении почти 30 лет в специализированных малотиражных изданиях и составившие основу главного теоретического труда ученого – теории этногенеза. Своеобразие данного сборника заключается в том, что наряду с теоретическими статьями в него были включены также научно-популярные произведения, в которых рассматриваются такие сложные и малоизученные явления в этногенезе, как антисистемы и этнические химеры. Книгу дополняет «Словарь терминов и понятий по теории этногенеза Л.Н. Гумилева», составленный одним из учеников автора – В.А.Мичуриным.

© Гумилев Л. Н.

© ФТМ

Содержание

От составителя[1]	5
Вместо предисловия:	7
Проблема жанра	7
Жизнь и мысль	8
Неудовлетворенность	10
Этнос	12
Новая наука	14
Системный подход	16
Начала и концы	18
Сомнения и недоумения	21
Пассионарность	23
Практическое значение теории	25
Перед лицом науки	26
Часть первая	27
О термине «этнос»[2]	27
Этнос как явление[3]	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лев Николаевич Гумилев

Этносфера: история людей и история природы

От составителя¹

Впервые статьи Льва Николаевича Гумилева выходят отдельной книгой. В ней собраны лишь те работы, которые посвящены теории этногенеза и отдельным ее аспектам.

В основу первой части легли статьи из цикла «Ландшафт и этнос», печатавшиеся на протяжении почти 10 лет (с 1964 по 1973 годы) в «Вестнике Ленинградского университета». Между собой мы называли этот цикл «сонатой», с ней было связано немало горьких и радостных страниц жизни Л.Н. Кстати, почти все представленные в этой книге статьи Л.Н. так или иначе использованы в его второй докторской диссертации и монографиях, вышедших гораздо позже.

А зачем же все-таки Лев Николаевич решил вторично защищать докторскую, на сей раз по географии? Ему было необходимо гласное обсуждение. Дело в том, что он трудился над книгой «Этногенез и биосфера Земли», писал и печатал статьи по этой теме, создал солидные рукописные заделы. Пошли слухи, что Л.Н. сочинил какую-то антимарксистскую работу. В наше отсутствие рукописи из его домашнего письменного стола исчезали. Потом, правда, те же невидимки их возвращали, но не всегда в нужное место. Поэтому Лев, когда мы с ним уезжали из Питера, оставлял в ящике стола записку на лагерном жаргоне: «Начальник! Шмоная, клади на место и книг не кради. Л. Гумилев». В этой ситуации нужно было срочно «обнародовать» книгу. Правда, он сомневался, разрешат ли ему это сделать.

Как ни смешно, к решительным шагам подтолкнула его я.

– Знаешь, Лёв, что-то стало скучно, – сказала я. – Что бы, это нам придумать, как бы, оживиться, все-то одни огорчения.

А он мне и брякнул:

– Хочешь, я вторую докторскую защищу?

– Хочу, – сказала я.

И тут на меня навалилась тяжелая работа. Машинистка, которая всегда перепечатывала его рукописи, отказала, другой не нашлось. Пришлось мне осваивать новое ремесло. За семьдесят рублей мы купили допотопную машинку «Континенталь». Ей сто лет, зато вся железная. И вот я двумя пальцами начала «грохать» диссертацию.

В университете очень доброжелательно отнеслись к затее Л.Н. Сергей Борисович Лавров, Борис Николаевич Семевский, сотрудники кафедры быстро организовали оформление документов. Оппоненты были приглашены из Москвы, – доктор географических наук Э.М. Мурзаев, доктор биологических наук Ю.П. Алтухов и доктор географических наук А.М. Архангельский.

И вот в мае 1974 г. состоялась защита. Это был замечательно интересный спектакль в большом зале Смольного (там в ту пору помещался географический факультет). Публики собралось огромное множество. Лёв вышел на кафедру и воскликнул: «Шпагу мне!» Ему подали палку-указку. Он выступил прекрасно. Из 21 члена Ученого Совета 19 проголосовали «за». Очень лестной для Льва была речь этнографа Ю.А. Маретина, чьи выступления всегда

¹ Данное предисловие было написано к первому изданию: Л. Н. Гумилев. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993. – Примеч. ред.

были яркими и дельными. (Как ни печально, с работы, его выгнали.) Но ВАК отказал Л.Н. в присуждении степени доктора географических наук – «за хорошее знание истории» (!).

А спустя годы в издательстве «Наука» печатается книга «География этноса в исторический период». А в 1990 г. Университет присуждает Л.Н. первую премию за «Этногенез и биосферу Земли». Лёв счастлив! Что до членов ВАКа – Бог им судья.

В сборнике печатается многострадальный очерк «Зигзаг истории». Этот очерк об анти-системах и этнических химерах был заказан Л.Н. издательством «Молодая Гвардия» в 1976 г. Держали, держали, тянули время – и не напечатали. Отказ Л.Н. получил только в 1979 г. – за подписями Ю. Лошица и Ю. Селезнева, которые тогда ведали серией «Жизнь замечательных людей». Видимо, запрет наложило какое-то высокое начальство. Впоследствии фрагменты этого очерка вошли в книги «Этногенез и биосфера Земли» и «Древняя Русь и Великая степь».

Завершается сборник «Апокрифом», который, по моему мнению, замечателен.

Н. Гумилева

25 апреля 1993 г.

Вместо предисловия: Биография научной теории, или Автонекролог

Проблема жанра

Как известно, научные теории создает тот или иной человек. Кибернетики придумали даже для этого название – «черный ящик». В этот «ящик» вводится хаотическая информация, а потом из него выходит стройная версия, называемая в зависимости от ее убедительности гипотезой, концепцией или теорией. Автору повезло добраться до третьей фазы совершенства, выше которой лежит только истина, то есть суждение, заведомо непроверяемое и не нуждающееся в дополнениях.

К счастью, истины встречаются только в спекулятивной (умопостигаемой) науке – математике, которая оперирует не явлениями природы, а числами – созданиями нашего мозга. В природоведении же, как и в истории, мы находим только феномены, явления отнюдь не рациональные, но требующие понимания еще в большей степени, нежели извлечение квадратного корня из шестизначного числа.

Поясняю парадокс. Автор за 75 лет своей жизни работал и в геологии, и в археологии, и в географии, но во всех этих науках встречал только феномен (явление), который можно описать словами, а измерить – либо простыми цифрами, либо понятиями «больше – меньше», «дальше – ближе», «древнее – новее». К этому естественнонаучному подходу автор привык настолько, что даже историю, казалось бы, вполне гуманитарную науку, он стал изучать, руководствуясь натуралистскими принципами. За это он имел много неприятностей и обид, но теория этногенеза была создана и даже приписана академику Ю.В. Бромлею, цитировавшему положения автора без отсылочных сносок [130].

Поскольку нет и не может быть научной идеи без персоны автора, ибо для мысли нужна голова, а она у человека всегда одна, то очевидно, что у каждого ученого, как человека, есть личная жизнь: школьные годы, тяжелые экспедиции, семейные осложнения, служебные неприятности, да и болезни. Но вместе с этим у него есть бескорыстный интерес к предмету исследования, частным сюжетам и эмпирическим обобщениям. Желание понять три вещи: «как?», «что?» и «что к чему?» представляется ему самоцелью. Если же оный товарищ занимается научной работой не для радости познания, то ему незачем тратить силы на изучение своего предмета. Пусть становится директором института. Это пойдет на пользу и ему, и науке.

Но коль скоро так, то личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую биографию мы все пишем для отдела кадров, а последнюю, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дрязгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать непротворчивую версию, называемую научной теорией.

ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ

Детские годы всегда заняты освоением многоцветного, разнообразного мира, в котором важно и интересно все: природа, люди и, главное, язык, изучение коего – «условие, без которого нельзя». Только с шести-семи лет человек может начать выбирать интересное и оттачивать скучное. Интересным для автора оказались история и география, но не математика и изучение языков. Почему это было так – сказать трудно, да и не нужно, ибо это относится к психофизиологии и генетической памяти, а речь идет не о них.

Школьные годы – это жестокое испытание. В школе учат разным предметам. Многие из них не вызывают никакого интереса, но тем не менее необходимы, ибо без широкого восприятия мира развитие ума и чувства невозможно. Если дети не выучили физику, то потом они не поймут, что такое энергия и энтропия; без зоологии и ботаники они пойдут завоевывать природу, а это самый мучительный способ видового самоубийства. Без знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории – с наследием прошлого. Но в двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу делу не пошло.

К счастью, тогда в маленьком городе Бежецке была библиотека, полная сочинений Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Уэллса, Джека Лондона и многих других увлекательных авторов, дающих обильную информацию, усваиваемую без труда, но с удовольствием. Там были хроники Шекспира, исторические романы Дюма, Конан Дойла, Вальтера Скотта, Стивенсона. Чтение накапливало первичный фактический материал и будило мысль.

А мысль начала предъявлять жестокие требования. Зачем Александр Македонский пошел на Индию? Почему Пунические войны сделали Рим «вечным городом», а коль скоро так, то из-за чего готы и вандалы легко его разрушили? В школе тогда ничего не говорили ни о крестовых походах, ни о Столетней войне между Францией и Англией, ни о Реформации и Тридцатилетней войне, опустошившей Германию, а об открытии Америки и колониальных захватах можно было узнать только из беллетристики, так как не все учителя сами об этом имели представление.

Проще всего было не заниматься такими вопросами. Так и поступало большинство моих сверстников. Можно было кататься на лыжах, плавать в уютной реке Мологе и ходить в кино. Это поощрялось, а излишний интерес к истории вызывал насмешки. Но было нечто более сильное, чем провинциальная очарованность. Это нечто находилось в старых учебниках, где события были изложены систематически, что позволяло их запоминать и сопоставлять. Тогда всемирная история и глобальная география превращались из калейдоскопа занятных новелл в стройную картину окружающего нас мира. Это дало уму некоторое удовлетворение.

Однако оно было неполным. В начале XX века гимназическая история ограничивалась Древним Востоком, античной и средневековой Европой и Россией, причем изложение сводилось к перечислению событий в хронологической последовательности. Китай, Индия, Африка, доколумбовская Америка и, главное, великая степь Евразийского континента были тогда *Terra incognita*. Они требовали изучения.

И тут на выручку пришел дух эпохи. В тридцатые годы начались экспедиции, куда охотно нанимали молодежь. Автору открылись гольцы и тайга Хамар-Дабана над простором Байкала; ущелья по Вахшу и таджикские кишлаки, где люди говорили на языке Фирдоуси, палеолитические пещеры Крыма; степи вокруг хазарского города Саркела и, наконец, таймырская тундра. Книжные образы перестали быть теньевыми контурами. Они обрели формы и краски.

Тогда на историческом факультете университета еще требовалось знание всеобщей истории. К сожалению, после войны всеобщая история в объеме крайне сократилась, а ее место заняла узкая специализация. Но в те годы можно было представить себе стереоскопический

облик планеты, углубившись по шкале времени на 5000 лет. История Средней Азии и Китая излагалась на факультативных курсах. Только по кочевому миру еще не было специалистов. Пришлось заняться этим самому.

И тут оказалось, что любимые друзья детства: сиу, семинолы, навахи, команчи и пауни – аналог наших хуннов, куманов, тюрок, уйгуров и монголов. Степные народы Евразии защищали свою страну от многочисленных безжалостных китайцев так же, как индейцы сопротивлялись вторжению скваттеров и трапперов, поддержанных правительственными войсками США. Так была поставлена первая научная проблема: каково соотношение двух разных культурных целостностей? Эта проблема получила решение в «Степной трилогии» (хунны, тюрки, монголы), опубликованной много лет спустя [64, 86, 93, 98, 111].

Не только ландшафты, но и люди привлекали внимание автора. На великих сибирских стройках ему удалось познакомиться с представителями разных народов, общаться с ними и понять многое, ранее ему недоступное.

Благодаря знанию таджикского языка автор подружился с персом, таджиками и даже с ученым эфталитом – памирцем, получившим двойное образование: он прошел обучение у исмаилитского «пира» – старца, а потом курс в Сталинабадском педагогическом институте. Эти беседы позволили автору найти путь к решению эфталитской проблемы, отличающемуся от прежних гипотез радикально [61, 79].

Общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев; ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела бы к разрыву. Они ощущали хитрость как бы чутьем. Китайцы требовали безусловного уважения своей культуры, но за интерес к ней платили доброжелательностью. При этом они были так убеждены в своей правоте и своем интеллектуальном превосходстве, что не принимали спора даже на научную тему. Этим они были похожи на немцев и англичан. Грузинский еврей, раввин и математик, объяснил мне философский смысл Каббалы, открытый для иноверцев, а буддийский лама – кореец рассказал о гималайских старцах увлекательную легенду, из которой тоже вылупилась научная статья [87].

Описанный способ изучения этнографии отнюдь не традиционен, но подсказан жизнью, точнее биографией автора, не имевшего многих возможностей, которые есть у научных сотрудников АН. Так и пришлось автору стать не научным работником, а ученым.

Конечно, работа в научном институте имеет свои преимущества в легкости организации экспедиций и публикаций, но зато там есть некоторые ограничения, например, обязательная узкая специализация, неизбежно сужающая поле зрения исследователя. Здесь же подбор информации определялся случайностью, но восполнялся широтой наблюдений, позволявшей использовать сравнительный метод.

Кроме того, информаторы автора были люди весьма образованные, каждый в своей культуре, вследствие чего их рассказы были более содержательны и полноценны. С ними можно было свободно беседовать по-русски; специальные термины они умели истолковать, а не просто перевести. Ведь часто при буквальном переводе теряются нюансы смысла и возникают неточности, весьма досадные. Поэтому можно смело утверждать, что подготовка автора была иной, чем тривиальная, но не хуже ее. Именно она позволила поставить вопросы, о которых пойдет речь ниже.

Неудовлетворенность

Решение одной, даже очень сложной задачи бывает иногда отрадно, но всегда бесперспективно. Полных аналогий в истории не бывает, поэтому новую задачу надо решать заново. Да и в уже проделанном исследовании достаточно сменить угол зрения (аспект), или добавить новый материал, или изменить степень приближения (взять вместо очков микроскоп), чтобы потребовались новые усилия, сулящие столь же неполные результаты. Таков лимит традиционной методики.

Кроме того, желательно обезопасить свой труд от обывательского представления, будто в любой борьбе одни – хорошие, а другие – плохие, а задача ученого – угодить читателю, объяснив ему, кто каков, или, что то же, – кто прогрессивен, а кто отстал и, следовательно, не заслуживает сочувствия.

Вот наглядный пример. В 1945 году, после взятия Берлина, я встретился и разговорился с немецким физиком моего возраста. Он считал, что славяне захватили исконно немецкую землю, на что я возразил, что здесь древняя славянская земля, а Бранденбург – это Бранный Бор лютичей, завоеванных немцами. Он вскричал: «*Sie waren primitiv!*» и остался при своем мнении. Будь он начитаннее, он бы упомянул, что лютичи в V веке вытеснили с берегов Эльбы германских ругов. Но разве в этом суть? Все народы когда-то откуда-то пришли, кто-то кого-то победил – таков диалектический закон отрицания отрицания, примешивать к коему личные симпатии и антипатии неправомерно. Постоянная изменчивость во времени и пространстве – закономерность природы. Следовательно, ее нужно изучать, как мы изучаем циклоническую деятельность или землетрясения, независимо от того, нравятся они нам или нет.

В естественных науках оценки неуместны, а классификация необходима. Так, зоологи зачисляют в один класс наземных, морских (киты) и воздушных (летучие мыши) животных, как млекопитающих, ибо всех их сближает один, но правильно избранный признак. Такой систематизации поддаются и народности – этносы, принадлежащие к одному виду, но похожие друг на друга более или менее. Именно эти степени несхожести оказались крайне важными для этнической диагностики. Немцы не французы, но ближе к ним, чем к казахам или монголам. Хунны перемешивались с сибирскими и волжскими уграми, но не с китайцами, причем и там и тут язык значения не имел. Разговорную речь для базара выучить легко.

Иными словами, отдельные этносы не изолированы друг от друга, но образуют как бы этнические «галактики», в которых общение, даже для отдельных особей, гораздо легче, нежели с обитателями соседней «галактики» или иной суперэтнической целостности. В этом случае люди желают «жить в мире, но порознь».

Это наблюдение имело в условиях тесного этнического контакта важное практическое значение. Оказалось, что недостаточно самому не замечать этнических различий, но надо, чтобы и партнер не замечал их, а этого, как правило, не бывает, несмотря на то, что люди одинаково одеты, питаются в тех же столовых и спят в одинаковых жилищах. А в таких условиях только добрые отношения между соседями обеспечивают необходимое для жизни благополучие. Но было ли так всегда и везде?

В 1938 – 1939 годах автор, имея много незанятого времени, стал продумывать исторические процессы разных государств и больших культурных целостностей, как, например, античность, включающую Элладу и Римскую империю; Византию вместе с окружающими христианскими народами: грузинами, армянами, болгарами, сербами, – но без Руси, представлявшей самостоятельную целостность; мусульманский мир, где общность была культурной, а не религиозной, и христианский мир – средневековый термин для романо-германской целостности Западной Европы. Китай, Япония и Индия были оставлены на потом, чтобы вернуться к ним тогда, когда характер развития, точнее становления, будет описан.

Так на месте микроскопа был установлен телескоп, а объектом наблюдения вместо молекул стали «галактики». Аналогичный подход, правда, с другими критериями, применил А. Тойнби в своем капитальном труде «Изучение истории», но тогда я о его работе еще не слышал. Так или иначе, мы пришли к близким обобщениям независимо друг от друга, хотя объяснения наблюдаемых явлений у нас диаметрально противоположны.

Оказалось, что если мерить интенсивность исторических процессов кучностью событий, то сначала наблюдается резкий взлет – около 300 лет, затем чередование подъемов и депрессий – тоже лет 300, потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению, которое А. Тойнби назвал *breakdown*, и, наконец, медленный упадок, прерываемый новым взлетом. И сколько бы это наблюдение ни проверялось – так было везде на длинных отрезках времени. И тут встает вопрос: почему?

На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды; на взболтанную жидкость, где волнение постепенно стихает; на струну, после щипка колеблющуюся и останавливающуюся. И права была китайская царица из династии Чэн, плененная и выданная за тюркского хана в VI веке, когда написала мудрые и трогательные стихи (перевод мой):

Предшествуют слава и почесть беде,
Ведь мира законы – трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравниются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолог всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звенит и смолкает на лютне струна...

Не странно ли, что китайка VI века мыслила категориями диалектики, а европейские филистеры XX века признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу времени. Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному притяжению), электромагнитным полям и термодинамике.

Итак, наша задача весьма упростилась. Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида *Homo sapiens*.

Этнос

Не каждое обобщение плодотворно для науки. Так, общеизвестно понятие «человечество», что, по сути дела, означает противопоставление вида *Homo sapiens* всем прочим животным. Однако при этом упускаются из вида вариации в главном – соотношении людей с окружающей средой. Есть люди хищники – охотники, есть ихтиофаги – рыболовы, есть пожиратели растений, а бывают и каннибалы. Некоторые – скотоводы – приручают животных и живут с ними в симбиозе, другие возделывают растения, третьи обрабатывают металлы. Короче, у человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть Родина.

Но к использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться, а для этого требуется время, и немалое. Адаптация идет поколениями; не внуки, а правнуки первых пришельцев в новую страну, с непривычными для прадедов природными условиями, усваивают набор традиций, необходимых для благополучного существования. Тогда Родина превращается в Отечество. Так было даже в палеолите.

Но это еще не все. Не только подражание предкам формирует склад человеческого коллектива. В нем всегда есть люди творческие, генерирующие мифы или научные идеи, рапсодии и музыкальные напевы, фрески, пусть даже в пещерах, узоры на женских платьях, ритуальные пляски и портреты. Изобретатели и художники никогда не бывают «героями», ведущими «толпу». Они обычно так поглощены своим делом, что у них не остается сил на общественную деятельность, которая тоже является достоянием профессионалов. Более того, мыслители и поэты воспринимаются современниками как «чудаки», однако их вклад в жизнь коллектива не пропадает бесследно, а придает ему специфический облик, отличающий его от соседних племен, где есть свои «чудаки». Сочетание этих трех координат образует «этнос», характеризующийся оригинальным стереотипом поведения и неповторимой внутренней структурой.

Именно способность к неоднократной адаптации в самых разнообразных ландшафтах и климатах, повышенная пластичность позволили человечеству как виду распространиться по всей поверхности Земли, за исключением Антарктиды, где жить можно только за счет подвоза пищи. Не только в палеолите, но и в историческом периоде этнос – форма вида *Homo sapiens*. Поэтому обобщение всех особей этого вида в понятие «антропосфера», хотя логически возможно, но не плодотворно. Антропосфера мозаична, и правильнее называть ее «этносферой».

Очень может быть, что другие крупные млекопитающие тоже делятся на стаи или стада, но мы обычно пренебрегаем такими психологическими нюансами, как не имеющими практического значения. Однако в отношении людей это недопустимо; ошибка вывода будет за пределами законного допуска. Дело в том, что отличительной чертой этноса является деление мира надвое: «мы» и «не мы», или все остальные. Эллины и «варвары», иудеи и необрезанные, «люди Среднего государства» (китайцы) и «дикари» – на севере «ху», на юге «мань». Когда в историческое время возникали новые этносы, то те, кого мы называем «византийцы» (условный этноним), сами себя называли «христианами», противопоставляя себя «язычникам», а когда Мухаммед в 623 году создал свою общину, то ее члены стали называть себя «мусульмане» и распространили это название на всех к ним примкнувших (ансары). Слова же «арабы» в VII веке никто не знал – оно появилось позднее, для обозначения определенной части мусульман. До Мухаммеда жители Аравийского полуострова носили свои племенные названия и противопоставляли себя друг другу.

Такое словоупотребление было практически необходимо. Этносы иногда дружат, иногда враждуют; этноним помогал отличать друзей от врагов.

Но самое интересное, что ни один этнос не вечен. Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венеты уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам,

которые выделились из латинов и других италиков. Но и этих сменили итальянцы, испанцы, французы, греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи.

Полного вымирания заведомо не было. Антропологи находят шумерийский тип на Ближнем Востоке, хотя его носители даже не слышали слова «шумер». Филистимляне были уничтожены евреями, но оставили название страны – Палестина. Потомков древних эллинов и римлян нет, но их искусство, литература и наука оплодотворяют умы людей поныне. Генетическая память пронзает столетия, всплывает в сознании в виде образов, порождающих эмоции, пример чему – стихи Н.С. Гумилева:

...И тут я проснулся и вскрикнул: «Что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я? и умер не здесь ли?
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Новая наука

Смутные воспоминания о непережитых событиях возникают у людей с тонкой нервной организацией довольно часто. Бывало такое и в древности. Для объяснения этого феномена была изобретена теория переселения душ, распространенная в Китае, Индии и у древних кельтов. Практичные римляне не придавали сумеречным эмоциям значения; они попросту игнорировали их. У них была концепция мрачного Орка – обиталища мертвых.

Поскольку западноевропейская наука унаследовала строй римской мысли, то теория линейной эволюции стала ее основой. Византийская диалектика была отброшена как суеверие, мешающее прогрессу. Во главу угла было поставлено сознание, а ведь генетическая память лежит в сфере ощущений и, следовательно, выпадает из науки.

Но диалектика победила. Генетическая память, иногда выплывающая из глубин подсознания и вызывающая неясные образы, получила научное обоснование. Н.В. Тимофеев-Ресовский называл это явление «аварийным геном».

Пусть этот ген выскакивает наружу крайне редко и не по заказу, но он переносит фрагменты информации, объединяющие человечество, которое в каждую отдельную эпоху, и даже за 50 тысяч лет известной нам истории, представляется как мозаика этносов. Именно наличие генетической памяти объединяет антропосферу. В противном случае человечество распалось бы на несколько видов, и восторжествовала бы расовая теория. Как найти выход?

Исчезновение этносов – факт столь же достоверный, как и факт их возникновения, но вымирание (депопуляция) – случай крайне редкий. Обычно происходит рекомбинация элементов, как в колоде карт при перемешивании. Можно разложить карты по мастям, или по значениям – от туза до шестерки, или еще как-нибудь, но определяющим будет характер их сочетания, ибо именно сочетание создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы – люди, семьи, роды, постоянно взаимодействующие друг с другом.

Однако люди обитают на планете с крайне разнообразными географическими и климатическими условиями – ландшафтами. Очевидно, ландшафты тоже входят в повседневную жизнь этносов как элементы. Леса, степи, горы, речные долины кормят не только животных, приспособившихся к ним, но и людей, какое бы хозяйство они ни вели. Тут физическая география смыкается с историей, ибо изменения ландшафтов столь же закономерны, сколь и старение этносов. В эпоху ледникового периода – 12 – 20 тысяч лет назад – Сибирь, примыкавшая к окраине ледника, была цветущей степью, над которой сияло вечно голубое небо, никогда не закрывавшееся тучами. Было так потому, что над ледником всегда стоит антициклон и ветры, несущие влагу с океанов, обтекают его с южной стороны. Приледниковая степь не была пустыней, ибо ее орошали пресные воды – ручьи, стекавшие с ледника и образующие озера, окаймленные зарослями и полные рыбы, а следовательно, и водоплавающей птицы.

В степи осадков было мало, но снег выпадал, а растения сухих степей, пропитанные солнцем, калорийнее влаголюбивых, и стада мамонтов, быков, лошадей и газелей (сайги) паслись, давая, в свою очередь, пищу хищникам, среди которых первое место занимал человек.

Но ледник стаял. Циклоны понесли массы влаги через Сибирь, северную Россию и Скандинавию. На месте степи выросла тайга, а травоядные животные отошли на юг, где еще сохранялись сухие степи. За ними ушли хищники и большая часть людей, а оставшиеся ютились по берегам великих рек, питаясь рыбой и водоплавающей птицей. Лишь много веков спустя предки эвенков вернулись на север, так как сумели приручить северного оленя, приспособившегося к суровым условиям тайги. Их жизнь – это симбиоз человека и оленя.

Подобные изменения природной среды, хотя меньшего масштаба, происходят и в наше время; увлажненность отдельных зон меняется раза два – три в тысячелетие. Так можно ли выпускать это из поля зрения? Если же принять ее во внимание, то наука, решающая описан-

ную проблему, будет не просто историей, этнографией или археологией, а синтезом этих наук с географией. В отличие от географического детерминизма Ш.Л. Монтескье и географического нигилизма А. Тойнби здесь решающим моментом является динамика ландшафтов; как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга [175].

Отмеченное сочетание истории (науки о событиях в их связи и последовательности) и археологии (науки о памятниках) с палеогеографией (наукой об изменениях поверхности Земли) требует новых подходов и способов исследования. По сути дела, это уже не этнография – описание особенностей быта и культуры, а естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени. Для новой науки требуется и новое название, и самым удачным будет термин «этнология», хотя и употреблявшийся неоднократно, но без точного определения и смыслового наполнения, так как в прошлые века для постановки и решения этой проблемы не было подходящего инструмента. Но в середине XX века был открыт «системный подход», оцененный советскими философами и теоретиками науки как достижение настолько перспективное, что оно достойно названия великого. Принцип его прост, и студенты осваивают его легко.

Системный подход

Категория «этнос» была известна всегда, но понять ее удалось только в XX веке. Раньше предполагалось, что этнос объединен сходством его членов – например, общим языком, общей религией, единой властью, – однако действительность опровергла эти домыслы.

Французы – этнос, но говорят на четырех языках: французском, провансальском, бретонском и гасконском, а спасительница Франции Жанна д'Арк произносила свою фамилию с немецким акцентом «Тарк». Есть французы католики, гугеноты, атеисты, но теперь это им не мешает. А те французы, которые уехали в Канаду в XVII веке, этнической принадлежности не потеряли и англичанами не стали.

Применение понятия «сходство» ведет к абсурду. Не сходны мужчины и женщины, старики и дети, ремесленники и крестьяне, гении и тупицы, но этнической стройности это не нарушает. Очевидно, дело в чем-то другом.

В 1937 году биолог Л. фон Бергаланфи на философском семинаре в Чикаго, пытаясь сформулировать понятие «вид», предложил рассматривать его как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», и назвал «системой открытого типа». Его тогда никто не понял и не поддержал. Бедный ученый сложил бумаги в ящик стола, отправился на войну, к счастью, уцелел и, возвратившись, застал совсем иной интеллектуальный климат: интерес к моделированию и кибернетике. Системный подход стал известен советским ученым с 1969 года благодаря философам Э.Г. Юдину и В.Н. Садовскому и биологу А.А. Малиновскому и ныне применяется во многих областях науки. Системный подход позволяет дать строгое определение понятию этноса. Попробуем объяснить наглядно. Но для этого надо учесть еще один фактор: комплиментарность, либо положительную – симпатию, либо отрицательную – антипатию.

Общеизвестный пример системы – семья, живущая в одном доме. Элементы ее: муж, жена, теща, сын, дочь, дом, сарай, колодец, кошка. Пока люди любят друг друга, система устойчива; если они ненавидят друг друга, как в романах Агаты Кристи, – система держится, пусть на отрицательной комплиментарности. Но если супруги разведутся, дети уедут учиться, теща разругается с зятем, сарай без ремонта развалится, колодец зацветет, кошка заведет котят на чердаке, – то это будет уже не система, а просто заселенный участок. И наоборот, пусть умрет теща, сбежит кошка, но будет писать любящий сын и приезжать на именины дочка, – система сохранится, несмотря на перестройку элементов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними, хотя они не имеют ни массы, ни веса, ни температуры.

Это простой случай; при усложнении системы расширяются и образуют субэтносы – группы людей, связанных положительной комплиментарностью внутри себя и отрицательной относительно соседей. Группа объединенных субэтносов образует этнос, интеграция этносов – суперэтнос, то есть группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтносам. Так, романо-германская католическая Европа – Chretienite – объявила в XIII веке своим противником православные страны – Византию, Болгарию и Россию – и начала против православия крестовый поход. И тут и там вера была одна, но суперэтносы разные. Чтобы оправдать свое поведение, крестоносцы четвертого похода (1204 г.) говорили, что православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем. Это уже не только социальное, то есть разумное, действие, но взрыв неуправляемых эмоций, то есть явление природы.

Любопытно, что автор наметил основы такого подхода еще в студенческие годы, но не мог ни точно сформулировать их, ни тем более обосновать. Часто научная идея, даже правильная,

гнездится где-то в подсознании, и лучше там ее задержать до тех пор, пока она не выкристаллизуется в стройную логическую версию, не противоречащую ни одному из известных фактов.

При обобщении процессов глобальной истории правомерность системного подхода очевидна. Мусульмане ведут джихад – священную войну против христиан, но при этом режут друг друга. Однако характеры столкновений на суперэтническом и субэтническом уровнях несоизмеримы. Англичане воевали с французами, но в Африке, столкнувшись с зулу или ашанти, ощущали свое единство и спасали друг друга. Даже древние греки вели себя так же: воюя с персами, афиняне и спартанцы отпускали пленных персов за выкуп, но «за измену общеэллинскому делу» казнили фиванцев, служивших Ксерксу и Мардонию. А ведь социальные структуры у спартанцев и афинян были противоположны, экономические интересы взаимоисключали общую выгоду. Что же их объединяло в борьбе с персами? Только принадлежность к единой этнической системе, которая, как ныне доказано, – объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас.

«Но ведь это биологизм!» Так кричат те, кто не задумывается над сущностью явлений природы. Нет, это монизм; это сопричастность людей к биосфере – праматери жизни на планете Земля. Это – дополнение к социальной эволюции, а не замещение ее, ибо прогресс – процесс развития социума, а этнос может быть сопоставлен с мелкими таксономическими единицами внутри вида *Homo sapiens*, рода *Hominides*, отряда *Primates*, семейства *Mammalia* (млекопитающих) и класса *Animalia* (животных). Мы порождение земной биосферы в той же степени, в какой и носители социального прогресса.

Естественники приняли системный подход с радостью, а гуманитарии его игнорировали. И это не случайно: филологи и историки черпают первичное знание из письменных источников, а в оных о системных связях нет ни слова. С их точки зрения, системы – выдумка, к тому же бесполезная.

А как же быть с этносами? Очень просто: надо различать их по названиям; узнать же эти названия следует у них самих, как в паспортном столе милиции. Нет, это не шутка, а, увы, научная установка, бытующая поныне. На одной кандидатской защите оппонент назвал единым этносом эквадорцев, хотя в Эквадоре живут белые креолы, метисы, индейцы кечуа и индейцы Амазонии. По его мнению, народы, живущие в одном государстве, – один этнос. Я спросил его: «А как назывался этнос Австро-Венгрии, где большинство составляли славяне? Австро-венгры?» Он обиделся и не ответил. Такому доктору географических наук системный подход, конечно, не нужен.

Равным образом не нужен системный подход тем историкам, которые ищут предка изучаемого этноса. Эти историки считают французов потомками кельтов (галлов), а русских – потомками скотов (скифов). При этом они забывают, что и те и другие смешивались с соседями, меняли культуры и языки и, наконец, что монолитный этнос равноценен расе, особенно если у него был один предок, а не сочетание древних этнических субстратов. Такая патологическая склонность к партеногенезу весьма распространилась в XIX веке среди полубразованных людей и породила шовинизм как карикатуру на патриотизм.

Итак, системный подход имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо благодаря ему можно избегать ошибок как в личной жизни, так и в межэтнических взаимоотношениях.

Начала и концы

Уже упоминалось, что этнические системы не вечны. Они развиваются согласно законам необратимой энтропии и теряют первоначальный импульс, породивший их, так же, как затухает любое движение от сопротивления окружающей среды. Так, это понятно. Но откуда взялся первоначальный толчок и какова природа той энергии, которая инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают? Ведь это не электричество, не теплота, не гравитация. А что же?

Великий ученый XX века В.И. Вернадский, читая в 1908 году заметку во французской газете о перелете саранчи из Африки в Аравию, обратил внимание на то, что масса скопища насекомых была больше, чем запасы всех месторождений меди, цинка и олова на всей Земле. Он был гений и потому задумался о том, какова энергия, которая подняла этих насекомых и бросила их из цветущих долин Эфиопии в Аравийскую пустыню, на верную смерть.

Дальнейший ход его исследования можно опустить; важен вывод. Во всех живых организмах находится биохимическая энергия живого вещества биосферы, совсем не мистическая энергия, а обыкновенная, аналогичная электромагнитной, тепловой, гравитационной и механической; в последней форме она и проявилась. Большею частью биохимическая энергия живого вещества находится в гомеостазе – неустойчивом равновесии, но иногда наблюдаются ее флуктуации – резкие подъемы и спады. Тогда саранча летит навстречу гибели, муравьи ползут, уничтожая все на своем пути, и тоже гибнут; крысы-пасюки из глубин Азии достигают берегов Атлантического океана и несут с собой легионы чумных бактерий; лемминги толпами бросаются в волны Полярного моря, газели – в пустыню Калахари; а люди... Но об этом-то и пойдет речь.

Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявления в видимой истории. О людях мы знаем больше, чем о насекомых и грызунах. Там можно наблюдать только кульминации вспышек, но начала их, а также концы, когда импульс затухает и движение переходит в гомеостаз, причем популяция вымирает, описать очень трудно. Зато людям известна не только относительная хронология, показывающая, что было раньше, а что позже, но и абсолютная – в каком году то или иное произошло. Поэтому обнаружить и уточнить закономерности биосферы целесообразно путем их сопоставления с этнической историей человечества, где тоже есть «начала» – вспышки этногенеза и «концы» – распады этнических систем.

Любопытно, что наличие «начал» отмечали еще эллины и римляне, хотя прекрасно знали, что у них были предки: ахейцы, ходившие разрушать Трою, и латины, прибывшие из поверженной Трои в Италию под предводительством Энея. Тем не менее греки считали «началом» первую олимпиаду в 776 году до н.э., а римляне – основание Рима в 753 году до н.э. Пусть эти даты не точны, но в середине VIII века до н.э. действительно сложились два этноса-ровесника: эллины и римляне. А конец римского этноса наступил в V веке н.э., фактически с упразднением культа Весты, а официально – с отречением последнего императора Ромула Августула в 476 году. Социальный институт пережил создавший его этнос.

Византийский этнос называл себя «ромеи», то есть римляне, хотя на самом деле он был могильщиком Рима, так как происходил от полиэтнических христианских общин Сирии, Египта и Малой Азии. Первая достоверная дата его – 155 год, диспут Юстина Философа с языческими философами. Конец – падение Константинополя в 1453 году. Но следует отметить, что начальным датам всегда предшествует инкубационный период продолжительностью около 150 – 160 лет, то есть шесть – семь поколений. Это наводит на размышления.

Мусульмане начинают свою историю с бегства Мухаммеда из Мекки в Медину – 622 год (хиджра), но этому предшествовала эпоха энергетического взлета, выразившегося в ожесто-

чении племенных войн и появлении плеяды поэтов. Это показывает, что фактический взрыв энергии был на рубеже V – VI веков. Уточнить дату трудно да и не нужно.

Создание современной западноевропейской этнокультурной целостности высчитано в сороковых годах прошлого века Огюстеном Тьерри – это 841 год. Тьерри доказал, что именно тогда проявили себя французы, которых до этого не было, а была механическая смесь салических франков и галлоримлян. Тогда же слились в этнос немцев племена саксов, рипуарских франков, тюрингов, швабов, фризов. В те же годы потомки вестготов, аланов, лузитанов и свевов объявили себя испанцами и начали Реконкисту – отвоевание Пиренейского полуострова у арабов. А ладьи викингов бороздили волны морей уже полвека, отмечая инкубационный период этногенеза. Остров Британия и полуостров Италия несколько отстали в этническом преображении, но были втянуты в него путем завоевания англосаксами, норманнами и швабами.

Позднее эта система, набухшая энергией, распространилась на Америку, являющуюся заокеанским продолжением Западной Европы, Австралию и Южную Африку, подчинила Индию и другие тропические страны, насадила свой стереотип поведения даже в Японии, но Россия, Турция и Китай устояли.

Очевидно, все этносы прошли фазы подъема, перегрева, надлома и инерции, только каждый этнос по-своему. Те же этносы, которые европейцы считают «примитивными» и «отсталыми», потому что ныне они пребывают в гомеостазе, некогда имели своих героев и гениев, но неумолимый Хронос состарил их. От былых живых культур у них сохранились обрывки преданий и трудовые навыки; это «старички», а не «дети».

Описанная закономерность противоречит принятой на Западе теории неуклонного прогресса, но вполне отвечает принципу диалектического материализма. Еще Энгельс использовал для наглядности пример зерна, дающего колос с обилием зерен, а русский поэт XX века В. Ходасевич интерпретировал этот пример в отношении исторических закономерностей во времени:

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

К явлениям этногенеза применимы и другие законы диалектики. Переход количества в качество наблюдается при взрывах и становлении этносов (негэнтропии); в последующей этнической истории (энтропии) он только меняет знак. Если непосредственно после толчка или взрыва энергия расширяет свой ареал, усложняет систему, создавая дополнительные звенья и блоки, – сословия, секты, торговые компании и т.п., то с определенного момента процесс идет в обратном направлении: количество подсистем уменьшается, энергетический баланс системы снижается, и система упрощается настолько, что у нее остается либо один элемент-реликт, либо и он рассасывается между отдельными системами. Мозаичность этносистемы объяснима через закон единства и борьбы противоположностей, а неизбежная смена одних этносов другими – через закон отрицания отрицания.

Как известно, диалектический материализм изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Применение диалектического материализма к изучению развития общества сформировало исторический материализм. Однако этнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду. Ограничимся одним наглядным примером. Известно, что национально-освободительные движения несопоставимы однозначно с социальными конфликтами в рамках какой-либо страны. Здесь спорить не о чем.

Действительно, если бы принадлежность к этносу определялась только отметкой в документе, то не нужен был бы Институт этнографии АН СССР, а достаточно было бы паспортного стола и заполнения формы № 1. Однако вряд ли кто-либо с этим согласится. Для объяснения природных феноменов надо искать природные причины.

Сомнения и недоумения

Неоднократно доводилось слышать вопросы: «Каким образом мы, люди, можем узнать о такой форме энергии, как биохимическая энергия живого вещества биосферы? Большая часть форм энергии воспринимается органами чувств: свет (движение фотонов) – зрением; звук (колебание атмосферы) – слухом; тепло (движение молекул) – осязанием; электромагнетизм – несложными приборами. А как признать достоверным существование особой биохимической энергии, находящейся в телах людей и при этом сопоставимой с прочими формами энергии через энергетический коэффициент? Вот если бы тут была еще и душа – все было бы ясно, ибо к мистике мы привыкли». Да, действительно, все виды энергии воспринимаются не непосредственно, а через наблюдаемый эффект, но для получения эффекта необходима структура из многих элементов. Никто не видел единичного фотона, никого не обожгла одна молекула, невозможно слушать музыку ниже слухового предела, а катионы и анионы были не наблюдаемы, а высчитаны. Так и биохимическая энергия была обнаружена В.И. Вернадским в огромном скоплении саранчи; изучая же отдельное насекомое, он не увидел бы ничего. Вот почему для поставленной нами цели нужна была история, как фиксация биохимических процессов в человечестве на популяционном уровне и за достаточно долгие сроки. Мимолетный взгляд дал Платону право определить человека как «двуногое без перьев». Над этим определением хохотали еще афиняне.

В наше время всем известно, что каждый человек – член этноса, этнос же входит в биоценоз своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля. Земля, в свою очередь, входит в состав Солнечной системы – участка Галактики и Метагалактики.

Таким образом, все мы сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы. Любая научная задача может быть корректно поставлена и решена только на своем уровне.

Но как же удалось увидеть эффект биохимической энергии живого вещества людей, которые так разнообразны и зависимы не только от природы, но и от культурного и социального развития? Это открытие пришло к автору весьма неожиданно – при изучении свойств исторического времени.

Линейная и циклическая системы отсчета времени употребляются ныне для календарей. Такое время не зависит от природных явлений и тем более от деятельности человека. Но время, в которое мы живем и которое ощущаем, измеряется числом событий. В отличие от календарного оно неоднородно. В нем есть свои горы и пропасти, трясины и равнины; по равнинам так приятно идти!

И это время как раз показывает неравномерность распространения энергии живого вещества на Земле. Ведь если бы этой неравномерности не было, то люди бы довольствовались простым насыщением и размножением, то есть самосохранением индивидуально и в потомстве. Так подсказывает инстинкт.

Но не все люди шкурники! Некоторые обретают стремление с обратным знаком, стремление к «идеалу», под которым понимается далекий прогноз. Они стремятся либо к победе над врагом, либо к открытию новых стран, либо к почестям от своих сограждан, либо к накоплению... безразлично чего: денег, знаний, воспоминаний, либо к власти, обладание коей всегда влечет за собой беспокойство и огорчения.

Эти люди могут быть добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными или грубыми. Это не важно; главное, что они готовы жертвовать собой и другими людьми ради своих целей,

которые часто бывают иллюзорны. Это качество, по сути, – антиинстинкт; я назвал его новым термином – пассионарность (от латинского *passio* – страсть).

Пассионарность

Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание), а отдельные зигзаги учитывались пропорционально их значению. Оказалось, что любая живая система, будь то этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое количество людей, наделенных пассионарностью, – пассионариев.

Историческое время от вспышки до затухания совпадало с фазами этногенеза и отвечало им полностью. Это были как бы «возрасты этноса», определяемые процентом пассионариев в этнической популяции. Растет их число до определенного предела – система усиливается; выше этого предела – пассионарность уничтожает сама себя и снижается, так как пассионарии истребляют друг друга; ниже идет спад пассионарности с выбросом свободной энергии, порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи. После энергетического надлома наступает длинный период инерции, когда упорядочивается хозяйство, расширяется образованность и царит законность. Но неубывающая энтропия ведет этнос к распаду.

Непонятно было лишь, как возникают сами пассионарии и чем они отличаются от своих соплеменников. Друг биолог, тоже студент, подсказал слово: «мутация». А ведь и верно! Только это микромутация, меняющая что-то в гормональной системе организма и тем самым создающая новый поведенческий признак. Человек остается самим собой, но ведет себя по-другому.

Мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному. Явные уроды быстро устраняются естественным отбором, а для устранения мутантов-пассионариев необходимо около 1200 лет, причем они ухитряются оставить после себя следы своих деяний: здания, поэмы, картины, рассказы о своих подвигах, технические изобретения и моральные нормы. Впрочем, моральные нормы забываются в первую очередь.

Если бы автор не осознал все это еще в 1939 году, ему в голову не пришло бы искать объяснения исторических событий в концепциях Бергаланфи и Вернадского, казалось бы, не касающихся истории.

Благодаря соединению геобиохимии и системологии с исторической географией становится понятной причинная связь между биохимической энергией живого вещества биосферы и отдельными системами – от микроорганизма до суперэтноса. Системы работают на биохимической энергии, абсорбируя (поглощая) ее из окружающей среды и выдавая излишек в виде работы (в физическом смысле). Оптимальное состояние, или гармоничность, системы, будь то один человек или многолюдный этнос, – это когда количества энергии, идущей на нужды самого организма и на пассионарность, равны. Тогда они уравнивают друг друга, и система крепка.

Если мутант абсорбирует больше энергии, он должен ее истратить, а путь к этому только один – деяния. Тогда испанские идадьго едут в Америку или на Филиппины, завоевывают целые страны, обретают богатства, на 80 процентов гибнут, а уцелевшие возвращаются измотанными до предела или больными. Но ведь едут только Дон Кихоты, а Санчо Пансы сидят с женой дома. Так, Испания, в XVI веке претендовавшая на роль мирового гегемона, к 1700 году стала предметом раздела между европейскими державами, и началась война за испанское наследство.

Однако этносы способны к регенерации. Тот же испанский этнос отразил армию Наполеона. Это был подвиг, равный освоению Америки. Как он мог совершиться? Только потому,

что пассионарность – наследственный признак, видимо, рецессивный, так как он передается, минуя детей и внуков, к правнукам и праправнукам. Поэтому этнические системы существуют долго.

Пример Испании не исключение. Куда не взглянешь – тот же самый процесс. Ехидные студенты решили проверить теорию на совсем новом для автора материале: Японии и Эфиопии. И получилось то же самое: взлет, то есть мутация, подъем, то есть усложнение, спад, связанный с развитием культуры, инерция – установление цивилизации, упадок, смещение с соседями и очередной взлет. Что это закон природы – сомнений уже нет!

Но обязателен ли упадок? Да! Потому что наряду с пассионариями при мутации появляются субпассионарии – особи, поглощающие меньше энергии, чем требуется для уравновешивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М. Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят... и счастливы.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы.

Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться. Для них характерна безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех, кто пытается их вразумить, они убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III – IV веков. Не рабы, и не варвары, и не христиане погубили Рим, а любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром. Ведь именно ради них истребляли население провинций и природу собственной страны – Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим кустарником.

Практическое значение теории

Нарисованная здесь картина выглядит мрачновато, но задача науки не в том, чтобы утешать людей и тем вводить их в заблуждение. Так, правда, случалось неоднократно, но то были своего рода «академические приписки». Ученый обязан отобразить картину реального мира, сколь бы сложной и даже горестной она ни была. Преодолеть трудности можно только тогда, когда о них знаешь.

Но, можно возразить автору, зачем знать то, чего нельзя ни изменить, ни исправить? Что же, автор не верит во всемогущество человечества? Да, изменение законов Природы вне людских возможностей хотя бы потому, что сами люди – часть Природы. Но знание законов Природы очень полезно, ибо позволяет избежать многих бед.

Люди не любят землетрясений, предотвратить их не могут, особенно когда вулкан образуются под водами Тихого океана. Зато сейсмография предупреждает о начале бедствия, и это позволяет своевременно эвакуировать обитателей морских берегов в горы и предохранить от губительного цунами. Метеорология также предупреждает о засухах и наводнениях, а ведь они, как и этногенез, возбуждаемый мутациями, за пределами активности людей.

То же самое относится к этногенезу. Даже если люди не могут ничего поделать с этим статистическим потоком вероятностей, то они могут не делать чего-то очень важного – не поворачивать северные реки, не поощрять курение подростков, не выставлять студентам в институтах пятерки за двоичный ответ. А для того чтобы избежать ошибок, знание истории и этнологии необходимо.

Теперь закономерно спросить автора: почему он, владея такими нужными людям понятиями, как «этногенез» и «пассионарность», тридцать лет не публиковал своих открытий? Использовал ли он свои знания или молчал, чтобы избежать столкновений с коллегами?

Автор свои мысли использовал эгоистично: он написал кандидатскую и докторскую диссертации по историческим наукам (истории древних тюрок), решив «алгебраически» очень трудные задачи, а потом перевел их на тривиальный «арифметический» язык, чтобы не шокировать членов ученого совета истфака. Если бы они знали, что есть способ писать научные работы легко и убедительно, то не голосовали бы за автора единодушно.

Публиковать новую методику следует только тогда, когда каждый тезис может быть убедительно аргументирован. Интуиция автора никого не убеждает, если же ему удастся решить частную задачу, то это будет отнесено на долю случая. А ведь мы работаем для людей и должны считаться с возможностями и привычками своих коллег.

Пассионарная теория этногенеза была весьма благожелательно встречена географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами, но не вызвала интереса у историков-источниковедов, филологов и востоковедов. А жаль. Она и у них нашла бы применение.

И, наконец, замечание, относящееся не к теории, а к некрологу. Если ученый изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны. Такова диалектика творчества – один из разделов диалектики природы.

Перед лицом науки

В Александрийский век античной культуры (I – III века) говорили: «Эллины ищут знания, а иудеи – чуда». В наше время все поиски истины присвоили себе люди, служащие в научных институтах. Однако способы работы и цели научных сотрудников и ученых различны и вызывают к себе различное отношение современников.

Первый и основной способ можно назвать «седалищным». Это составление справочников, словарей, пособий. В гуманитарных науках это подготовка текстов к печати и библиография; в археологии – описание коллекций и в лучшем случае выполнение картосхем, каталогов и статистическая обработка собранных материалов. Работа эта пользуется заслуженным уважением, обеспечивает приличную зарплату и не приносит авторам ни беспокойства, ни известности.

Второй способ можно назвать «мотыльковым». Научный сотрудник много читает, а затем излагает чужие мысли своими словами. У него много читателей, неплохие гонорары и красивая жизнь. По сути, это разновидность литературы, причем изящной, и поскольку популяризация науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их сочинений мимолетна.

Третий способ – накопление знаний, создание монографий. Но если авторы ограничиваются публикацией накопленных сведений, их труды не находят читателей. Удержать интерес к своей работе можно, только открыв себе вену и переливая горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она приковывает к себе внимания. Зато результаты будут плачевны, ибо коллеги не простят автора. «Ишь ты, его читают, а меня нет!» Большие неприятности по службе обеспечены.

Однако такие книги живут долго. Часто они переживают авторов, а те, исполнив роль доноров, умирают спокойно, с сознанием исполненного долга. Их вспоминают с уважением.

Все три способа были испробованы автором, и лишь после этого он прибег к четвертому. Хуже всего тем, у кого научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины. То, что было погружено во тьму, вдруг прояснилось; то, что было перемешано и перепутано, – становится на свои места. Собственные ошибки, бывшие привычными, устоявшимися мнениями, отваливаются как шелуха, но... рассказать об этом никому нельзя, потому что даже друзья предпочитают воспринятые с детства представления необходимости передумать заново, пусть не все, но многое. Да и сам первооткрыватель начинает не верить себе. Огонь в сердце, обжигающий мозг, его пугает. Он проверяет себя и свою мысль, и ему становится легче, потому что горение превращается в тление, но душа продолжает преобразоваться неуклонно. Наконец наступает момент, когда он не может молчать. Он рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые бы донесли смысл его открытия до собеседников. Он знает: надо заставить их думать, и когда это удастся, когда пламя мысли передано другим, он обретает счастье.

Но зачем оно ему? У него в душе уже все сгорело. Единственное, что ему осталось, – это повторять уже известное. Поистине подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, – это способ самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель после свершения покинет мир. Он останется в памяти близких, в истории Науки. Вот почему это изложение открытия так названо: автонекролог.

Часть первая

Этногенез и этносфера

О термине «этнос»²

Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г.

1. Человечество, как биологическая форма, – это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но, за исключением полярных льдов, вся земля – обиталище человека.

Корабли бороздят просторы океанов с глубокой древности; в тропических лесах живут племена пигмеев, приспособившихся к пессимальным условиям существования, в пустынях археологи находят следы древних поселений или охотничьих стоянок, а пространства льдов ныне осваиваются научными экспедициями.

Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности земли, но, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения [46, стр. 24 – 31]. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности.

В отличие от большинства млекопитающих *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как общество, то как народность. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес или степень нагрева и энергетический заряд.

Общественное развитие человечества хорошо изучено, и закономерности его сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие общественных форм по спирали, через общественно-экономические формации, присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться.

Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать, во избежание терминологической путаницы, этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно: вне этноса нет ни одного человека на земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» – ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т.д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Но это еще не все.

2. Этническая принадлежность – не ярлык, а релятивное понятие. Называя себя тем или другим этническим именем, индивидуум учитывает место, время и собеседника, отнюдь не давая себе в этом отчета. Так, карел из Калининской области в своей деревне называет себя карелом, а прибыв в Ленинград – русским, и это без тени лжи. Просто в деревне противопоставление русских карелам имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Сложнее с татарами. Религиозное различие углубило этнографическое несходство их с русскими, и для того, чтобы казанский татарин объявил

² Доклады Географического общества СССР. 1967, вып. 3, стр. 3 – 17.

себя русским, ему нужно попасть в Западную Европу или Китай. Там, на фоне совершенно иной культуры, он назовет себя русским, прибавив, что, собственно говоря, он татарин. А в Новой Гвинее он же назовет себя европейцем, что будет правильно относительно папуасов, и пояснит, что он не из племени голландцев или англичан, а из другого, и этим вполне удовлетворит своего собеседника.

Поясним на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они баски, а не французы? Или про д'Артаньяна как исторического персонажа, так и героя романа? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жилия де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, биологическую, лежащую на грани физиологии, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Этот первичный гипотетический вывод требует пояснений и проверки на материале.

3. Условимся о термине. Это тем более необходимо, что понятие «этнос», с одной стороны, до сих пор не дефинировано, с другой, дефиниция этого понятия является не только исходным пунктом, но и целью исследования. В самом деле, определить понятие – значит установить все его сходства и различия со всеми прочими понятиями. А для исследования сходства и разницы мы должны иметь перед глазами предмет исследования. Получается как бы порочный круг, но это на самом деле диалектический путь науки: сначала условимся о значении употребляемого нами слова-термина, а затем путем анализа раскроем его содержание. Противоречия здесь нет.

В специальной работе [72, стр. 74 – 77] мы предложили предварительное значение термина: этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие – другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной. Раскрыть эту величину можно только путем анализа возникновения и исчезновения этносов и установления принципиальных различий этносов между собою, а также характера этнической преемственности. Совокупность этих трех проблем мы называем этногенезом.

4. Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос, как явление, имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами, внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверности.

О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором нельзя строить даже научной гипотезы. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не дожившие.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III – II тыс. до н.э.) мы можем считать подобными историческим с большой долей вероятности. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базируясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее или наоборот, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений.

Поскольку мы стоим на философской платформе монизма, понимая под этим, что законы природы едины и вечны, мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим aberrации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

Целесообразно ограничить поле нашего исследования XIX веком, потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна aberrация близости, при которой явления теряют масштабность, как и при aberrации дальности. Нет необходимости ставить под угрозу исследование, привлекая материал не откristаллизовавшийся и не получивший твердого научного истолкования. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3000 лет, с XII в. до н.э. по XIX в. н.э., как наиболее полно изученной.

5. Мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в хронологических таблицах, приложенных к «Всемирной истории», не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни.

Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами, на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений, является единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое считается столь же достоверным, как и наблюдаемый факт [46, стр. 19].

Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строится не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепций есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень.

6. Подобно тому как движение Земли является составляющей из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по Галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека – область биологии; соотношение человека с ландшафтом – историческая география – находится в сфере географических наук; изучение войн, законов и учреждений – история политическая, а мнений и мыслей – история культуры; изучение языков – лингвистика, а творчества – филология и т.д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос, как, например, язык, явление не социальное, потому что оно характерно для всех формаций. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов – экзогенно. Для того, чтобы оказать воздействие на формирование или разложение этносов, линия общественного развития трансформируется через призму истории, как поли-

тической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки там, где она из гуманитарной плавно переходит в естественную.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта, как фактора, определяющего экономические возможности человеческих коллективов – этносов [68, стр. 70 – 88; 140, стр. 412 – 416]. Но сочетание истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества – биоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии – ландшафтоведения и биологии – экологии и генетики. А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина этнос: этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием исторического и хрономического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором человечество предстает как антропофауна, но начало этому типу исследований положили Дарвин и Энгельс. Последний даже определил, что стимулом развития цивилизации были не столько идеи или глубокие политические соображения, сколько алчность [176, стр. 176] – эмоция, коренящаяся в сфере подсознания, функция высшей нервной деятельности, лежащей на грани психологии и физиологии. Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпадала из поля зрения большинства наших предшественников .

7. При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос и этноним, т.е. этническое наименование, не одно и то же. Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (*Romani*) – первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не соседей италиков или даже не латинян, обитавших в других городах Лациума. В эпоху Римской империи I – II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число почти всех италиков и многих жителей провинции, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. римлянами были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе: греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде данный этнос просуществовал три века – срок изрядный – и не распался. Наоборот, он трансформировался в IV – V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых четырех соборов определяющим принципом. Те, кто признавал оные соборы, санкционированные государственной властью, были своими, римлянами, а кто не признавал – становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийцами», но они-то сами называли себя «ромеями» (*Rωμαῖοι*), т.е. «римлянами», хотя говорили они по-гречески. Постепенно в число ромеев вошло множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами – сирийские семиты, а крестьянами – бывшие колонны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами империи. Зато флорентинцы, генуэзцы, венецианцы и другие жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господ-

ства фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии, потомки ссыльно-поселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т.е. «римляне».

Если можно еще усматривать историческую преемственность между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это слово несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» – пример, мимо которого нельзя пройти.

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря, и подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они всех их стали называть тюрками, в том числе угров – мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «les tartars», а в XIX в., когда вошла в моду лингвистическая классификация, присвоили название тюрков определенной группе языков. Таким образом, в разряд тюрков попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чувашаи и гибридный народ – турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения небольшой орды туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев – добровольных борцов за ислам (аналог крестоносцев), славянских юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т.п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и фортуна, и огромного количества грузинок, украинок и полек, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, ставший государственным, потому что он был принят в армии. И эта мешанина слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «турк» в память тех степных богатырей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии. Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое название группы из 30 крупных родов, обитавших на берегах Керулена. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять его как название всех центральноазиатских кочевников: тюркоязычных, монголоязычных и тунгусоязычных, в том числе монголов. Когда же Чингисхан в 1206 г. объявил официальным названием своих подданных имя «монгол», то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато потомки первоначальных носителей этого имени стали именовать себя монголами. С этого времени возникла современная научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрков-кипчаков – татарским языком. Иными словами говоря, мы даже в науке употребляем заведомо закамouflированную терминологию.

Приведенных примеров достаточно, чтобы констатировать, что этническое название или даже самоназвание и явление этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не покрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, для

этнологии неприменима, и нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке и решении нашей проблемы.

8. История – наука о событиях в их связи и последовательности. Эталоном, которым пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и т.д., словом любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это частный случай, характерный для XIX – XX вв., а в древности такие совпадения были редкими. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины, обладающие всеми качествами этноса, неустойчивы и дробятся, как это было с мусульманской общиной эпохи халифата (VII – X вв.).

Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба может быть одной у двух-трех народностей и разной для двух половин одной народности. Например, англосаксы и уэльсские кельты объединены с XIII в., однако они не слились в один этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушилось. В XVI – XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады.

Следовательно, этническое становление лежит глубже, чем явления исторического процесса. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

9. Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса, или хотя бы первичной стадией его образования, или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить – нет!

Прежде всего, далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за все время своего существования родовое или племенное деление. Такого нет и не было у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великороссов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая или родовая система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов. Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы, народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к историческому периоду, когда народы (этносы) возникали на глазах историка, такое допущение не имеет отношения.

То, что господствующими во всем человечестве формами за все время существования вида Ното были разные формы семьи: групповой брак, семья пуналуа, парный брак, моногамная семья [176, стр. 77], – и общественные системы – формации, достаточно обосновано и доказано, но к нашей проблеме не имеет непосредственного отношения, так как этническая целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родо-племенным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения (джус у казахов) и т.п., эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных осо-

бей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собою. Между прочим, только этим способом вводится и сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы родов для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов в X в., нападения феодалов в XII – XV вв., войну с английской буржуазией в XVII – XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с ними за два века (XI – XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

10. Но как же восполняется отсутствие родо-племенных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Классовая структура общества и классовая борьба – факт, установленный и не подлежащий пересмотру. Следовательно, деление на классы не может быть функционально аналогично делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать консорциями, но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных консорций: 1) феодалов в прямом смысле слова, то есть держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в орден; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (*nobless de robe*); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например, профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делился по территориальному признаку, и т.д. Можно по принятой степени приближения выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно учитывать еще их принадлежность к партиям, например, арманьякской и бургундской в начале XV в. А по отношению к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер.

В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те консорции, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и не своего круга.

То, что «консорций», как мы их условно называли, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родо-племенные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же их в том, что они несут одинаковую функциональную нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения.

И самое важное и любопытное – это то, что при возникновении «консорции» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т.е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России в целование руки замужним дамам и сохранился у помещного дворянства, но исчез из быта других слоев населения.

А.М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения как «разные племена» [53, стр. 81]. В том смысле слова, в котором он его употребляет, т.е. как различия в быте, нравах, представлениях, он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Еще характернее другой пример – старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в шестидесятых годах XVII в. некоторых реформ церковного обряда. Тогда они еще ничем не выделялись среди прочего населения. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились, обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не повело к обратному слиянию их с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта единица, сначала объединенная общностью судьбы – *consortia*, постепенно превратилась в единицу, объединенную общностью быта – *сопvixia*, и лишь в XX в. постепенно стала рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, а осталась только инерция.

Примеры, приведенные нами, ярки, но редки. Чаще функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения – землячества. Наличие таких делений, как и при родовом строе – существование фратрий, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: внутриэтническое дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость; оно характерно для любых эпох и стадий развития.

11. Итак, ни одна из гуманитарных наук не дает ответа на существование проблемы этнологии и этногенеза и даже не позволяет создать терминологию, которая была бы точна и общепонятна. Поэтому попробуем обратиться к естественным наукам – географии и примыкающим к ней разделам биологии.

Мы уже говорили, что целесообразно рассматривать человечество как вид *Homo sapiens*. Но тогда все закономерности развития любого вида млекопитающих применимы к людям, разумеется, за исключением специфических особенностей, что в высшем аспекте не существенно. Всем видам животных свойственны инстинкт продолжения вида (размножение), стремление распространить свое потомство на наибольшую возможную площадь, пригодную для жизни (ареал), и способность приспособления к среде (адаптация). В отношении этих общих черт люди не являются исключением.

Однако распространение любого животного вида ограничено тем, что каждый вид входит в биоценоз – закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования [140, стр. 359]. Каждый биоценоз связан с участком земной поверхности, который он занимает и к которому он приспособлен. Такой участок называется био-хор. Поскольку биоценоз – связанная система и изменение в ней какого-нибудь одного звена ведет к изменению и остальных звеньев, то в этом отношении налицо полная аналогия с географическим ландшафтом [140, стр. 359]. А так как каждый биохор связан с определенным ландшафтом, то целесообразно принять термин, предложенный академиком В.Н. Сукачевым, – геобиоценоз, совмещающий биологические и географические особенности данного биохора. Геобиоценозы динамичны. Они меняются вследствие сложного переплетения экзогенных импульсов. Смена геобиоценозов носит название сукцессии [140, стр. 362].

При возникновении биоценоз складывается из животных и растительных форм, примеряющихся к условиям заселяемого ими ландшафта. В результате приспособления возникает новый адаптивный тип сообществ, приобретающий новые особенности структуры поведения.

Таким образом, любой животный вид модифицируется под воздействием адаптации. Степень модификации определяется разнообразием географических условий заселяемого видом ареала. Но чаще всего возможности изменения ограничены, так как вид, успевший накопить ряд определенных признаков, не может произвольно избавиться от них, согласно закону

о необратимости эволюции. Поэтому большинство видов животных имеет ограниченные ареалы. Человек же, как мы уже отметили, распространился по всей земной поверхности. В этом одно из важнейших отличий вида *Homo sapiens* от прочих видов млекопитающих.

Но потребность в адаптации у людей осталась и проявляется особенно сильно именно вследствие широкого распространения вида как целого. Замечено, что отдельные этносы при своем возникновении связаны с определенными ландшафтными условиями – биохорами. Следовательно, исходя из сказанного, мы можем охарактеризовать этнос как биологическую единицу, таксономически стоящую ниже вида, как *populatio*, а само этническое деление человечества как один из способов адаптации в ландшафтах не столько в структуре, сколько в поведении. Путем применения естественных наук отыскана дефиниция, которую мы бесплодно искали в науках гуманитарных. Эта важная проблема будет освещена специально в особом докладе.

Но тут сразу же возникает сомнение: а как же люди столько веков без высокоразвитых наук оперировали таким сложным понятием, как «этнос», и не путались в практическом применении его? И почему путаница возникла, как только в XIX в. появилась наука этнография? И не значит ли это, что научное осмысление этнических явлений не нужно или вредно?

Мы наблюдаем в природе множество явлений, которые либо не поддаются определениям, либо определения бывают тавтологиями. Например, как определить такое явление, как «время»? А считать его мы умеем достаточно точно. Понятие «сила» определяется в физике как «причина, вызывающая ускорение», но ведь это тавтология. В физиологии наблюдается явление «клинической смерти», которая по существу еще жизнь, и т.д. Очевидно, мы, люди, знаем гораздо больше, чем можем назвать словами, и только в спекулятивной философии «знание» и «название» совпадают, но ведь спекулятивная философия не ставит своей целью изучение реального мира.

Этнические различия реальны и воспринимаются людьми безотчетно. При простых этнических сочетаниях не возникает нужды в осмыслении явления, которое и без того всем понятно. Но по мере накопления материала и усиления связей между народами всего земного шара потребность в осмыслении усилилась и возникла необходимость в систематизации знаний. Наука XIX в., стоявшая на позициях спекулятивной философии идеализма и его варианта – вульгарного материализма, не справилась с поставленной задачей. Главным препятствием тому было резкое отграничение всего, что относится к человечеству, от того, что касается остальной природы, как живой, так и мертвой. Исключение было сделано только для медицины, и то потому, что сами философы предпочитали быть вылеченными от болезней.

Как мы показали выше, граница между специфически человеческой и натурально-фаунистической сферами существует, но проходит она не там, где ее помещали философы и социологи XIX в. В частности, этнические явления лежат в сфере природы и поэтому осмысление их возможно лишь путем применения той самой методики, которая дала такие блестящие результаты в физической географии, зоологии и учении о наследственности. Сочетание этих наук с историей полагает начало новой науке – этнологии, практическое значение которой очевидно и неоспоримо.

12. Однако, проведя границу между этнологией и гуманитарными науками, мы обязаны указать ее отличие от чисто биологической дисциплины – антропологии, науки о человеческих расах. Расы тоже рассматриваются как таксономические единицы ниже вида (*subspecies*), но здесь классификация идет по соматическим признакам, а в этнологии по характеру поведения. Расы и этносы – понятия не только не совпадающие, но исключают друг друга, потому что каждый этнос состоит из смешения двух и более рас первого или второго порядка, а каждая раса входит в состав многих этносов. Сочетания рас первого порядка, например европеоидов и негроидов, имели место в Индии, европеоидов и монголоидов – в Средней Азии и Латинской Америке, монголоидов и негроидов – в восточной Индонезии, и это не мешало сложению

этнических коллективов. В Европе, Южной Африке, Америке и Полинезии происходило смешение рас второго порядка, например во Франции смешались северная, альпийская и средиземноморская европеоидные расы, в Германии – северная и альпийская, на Балканах – динарская и средиземноморская, а в Европейской России насчитывается пять расовых компонентов второго порядка, не говоря о пришлых монголоидных элементах.

Зато чистой в расовом отношении народности нет нигде. Даже скандинавы не избежали смешения, хотя оно произошло в II тыс. до н.э., когда арийские племена проникли в Европу и смешались с неолитическими племенами Прибалтики. В образовании племен Новой Гвинеи участвовали папуасы и меланезийцы, резко отличные друг от друга, и даже на острове Пасхи обнаружены два расовых компонента: короткоухие и длинноухие, по соматическим и психическим признакам не идентичные. Расовая теория к этнологии неприменима.

Следовательно, этносы отличаются друг от друга чем-то другим, хотя и не менее значительным.

Вспомним, что каждый этнос с момента возникновения делится на составные части: либо роды и фратрии, либо племена, либо «консорции», сочетание которых практически неповторимо. Это значит, что каждый этнос имеет оригинальную структуру, которая воспринимается людьми как этническая целостность. В тех же случаях, когда структура стирается и этнос находится на грани ассимиляции другими этносами, остается инерция, т.е. традиция. До тех пор пока инерция не иссякнет, люди, принадлежавшие к данному этносу, будут относить себя к нему. И тут не имеет значения, говорят ли эти люди на языке своих предков, соблюдают ли они их обряды, чтят ли свои древние памятники, живут ли на земле, породившей их структуру. В чем кроется механизм сложения, устойчивости, изменчивости и исчезновения этнических коллективов – это основная проблема этнологии, о которой следует говорить особо. Пока же отметим, что этническая структура всегда возникает в определенных и неповторимых географических условиях, в том или ином ландшафте. Поэтому, определив расу как подвид в аспекте биологии, мы вправе отнести понятие «этнос» к разряду географических наук, в ту область, где они смыкаются с историческими.

Этнос как явление³

Доложено на заседании Отделения этнографии 19 мая 1966 г.

1. Тезис: человек – млекопитающее животное; человечество – один из видов отряда приматов (гоминид); закономерности развития человечества не отличаются принципиально от закономерностей развития любого другого вида – в середине XIX в. был лозунгом того материализма, который мы теперь называем механическим или вульгарным.

Не то чтобы этот тезис был полностью неверным. Человек, действительно, несет в себе зоологическую природу, и многое в его жизни и поведении объясняется натуральными инстинктами и физиологическими потребностями, не меняющимися за все время существования вида *Homo sapiens* [237]. Но нельзя переносить биологические законы в сферу социальной жизни непосредственно. Поэтому Маркс и Энгельс признали, что теория биологической эволюции имеет величайшее значение не только в области чисто биологических вопросов, но и как основание и дополнение к теории исторического материализма и лежащей в его основе философии. В то же время они понимали, насколько важно избежать ошибки Геккеля, Герберта Спесера и др., отождествлявших процессы и законы биологической и социальной эволюции, так как последние являются эпифеноменами по отношению к первым и протекают по собственным законам, зависящим от специфических особенностей, приобретенных самим человеком. Таким образом, хотя понимание биологической эволюции и необходимо для правильного направления человеческой деятельности, оно само по себе еще не дает нам разрешения социальных проблем, но служит известным основанием для их рассмотрения [180, стр. VIII].

Можно считать установленным, что человечество, со всеми его взаимосвязями, явление не простое, а сложное. Люди, и каждый человек в отдельности, являются и физическими телами, подвластными силе тяжести; и организмами, вмещающими в себе бактерии и других микробов; и млекопитающими животными с определенной продолжительностью жизни; и членами обществ, развивающихся в силу собственной закономерности; и, наконец, представителями этнических сообществ: племен, народностей, наций и т.п. Наблюдаемые простым глазом явления, касающиеся человечества в целом, не что иное, как составляющая, где участвуют факторы не только все перечисленные, но и многие другие.

Для того чтобы от обывательского восприятия перейти к научному анализу, надлежит расчленить все факторы и рассмотреть каждый в отдельности. Совершенно правильно отметил С.В. Калесник: «Для того, чтобы изучать взаимодействие, нет необходимости путать разные вещи» [142, стр. 249]. Их скорее необходимо разделять. И вот, отграничив этногенез от социального развития, мы должны проделать ту же работу для размежевания зоологии и этнологии.

Ю.К. Ефремов определяет антропосферу как «совокупность человеческих организмов» или «биомассу в 150 млн. тонн живого веса». При этом он учитывает ее организованность и включает в антропосферу производительные силы и производственные отношения [126, стр. 50]. Так вот посмотрим, что здесь от биологии, а что специфически присуще человеку.

Напомню, что этносом мы называем коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам и имеющий оригинальную внутреннюю структуру. Это определение предварительное, для раскрытия которого нужно дать общее описание свойств, присущих этносу, как таковому, а также положить основу для этнической классификации. Но что значит опи-

³ Доклады Географического общества СССР, 1967, вып.3, стр. 90 – 107.

сать? Только одно: сравнить изучаемый предмет с другим, уже известным, и отметить их сходство и различие.

С чем сравнить этнос? Очевидно, с явлениями, изучаемыми сопредельными науками: с общественными формациями, которыми занимается социология, с популяциями вида, которые исследуются биологией, и ландшафтами, составляющими предмет физической географии, а вернее, зоогеографии.

По принятой Аристотелем зоологической систематике, этнос – мельчайшая таксономическая единица, определяемая не столько по признакам соматическому или физиологическому, сколько по поведению. Иными словами, представители одного и того же этноса в определенных критических условиях реагируют сходно, а члены иных этносов по-иному. Собственно, только в этом и проявляется «психический склад», считающийся одним из признаков нации. Разумеется, здесь должны приниматься во внимание только статистические средние из достаточно больших чисел, с уклонениями во все стороны. Однако, поскольку мы почти всегда имеем дело либо с народами многочисленными, пусть недостаточно обособленными, либо с народностями, четко отграниченными от соседей, пусть даже численно малыми, то отмеченная неопределенность является величиной, которой должно пренебречь. Этнос, как и вид, по определению Аристотеля, «это не сводимая ни на что другое особенность, делающая предмет тем, что он есть» [29, стр. 268]. Именно поэтому этнос не является ни спекулятивной категорией, ни философским обобщением тех или иных черт. Он ощущается нами непосредственно, как свет, тепло, электрический разряд, и, следовательно, должен изучаться как одно из явлений природы, биосферы, а не как гуманитарная концепция, возникающая в мозгу наблюдателя.

В отличие от социальных таксономических единиц, как принятых в историческом материализме – формации, так и в буржуазной западноевропейской социологии – цивилизации, этносы при возникновении связаны с определенными ландшафтными районами. Для общественного развития наличие этносов является только фоном, правда необходимым, потому что если нет людей, то нет и закономерностей общественного развития, а люди до сих пор не существовали вне этносов.

Это последнее положение может вызвать возражения, потому что рабы в древнем мире или интернациональные авантюристы, космополиты, сами затруднялись определить, к какому народу их следует причислить.

Для прояснения проблемы следует отметить, что очень редкие этносы, реликтовые племена, существуют изолированно, но там проблема внеэтнического существования отдельных особей не возникает. Их там просто не бывает и быть не может, потому что изгнанник, лишенный поддержки коллектива, обречен на гибель.

Сложнее с особями, не помнящими родства, например, с рабами, зачатыми в лупанариях. По происхождению и правовому положению они не были римлянами. Это значит, что они не входили в официальное римское общество, но поскольку последнее без них не могло существовать, то мы имеем право причислить рабов к римскому этносу, в смысле современном, а не древнеримском, где рабов называли говорящими орудиями.

Затем, при образовании этносов всегда возникает несколько новых коллективов, образующих более или менее крепкую конструкцию. А в промежутках между отдельными этносами часто обретаются промежуточные особи, но они не выходят за пределы своей системы. Так, в XVI в. кондотьер мог служить Валуа, Габсбургу, Тюдору или Медичи, не становясь ни французом, ни испанцем, ни англичанином, ни тосканцем и даже не задаваясь вопросом, кто же он по этносу. Но, поступая на службу к турецкому султану, он становился турком, т.е. менял этнос. Это было настолько распространено, что даже существовал специальный термин – ренегат.

Что же менялось в ренегате? Ясно, что не физиология, не анатомия, не генофонд. Менялся стереотип поведения, без него ренегат не мог быть инкорпорирован новым коллективом. В единой системе этносов, например в романо-германской Европе, называвшейся в XVI в.

«христианским миром» (хотя в него не включались православные народы), стереотип поведения разнился мало, и этой величиной можно было пренебречь. Но в системе, условно именованной «мусульманскими народами», он был настолько иным, что переход отмечался специально и был связан с юридическим актом – сменой исповедования веры. Совсем не играло роли то, что по большей части ренегат вообще не имел религиозных мнений. Важно было отметить, что он порвал с прошлым и включился в новый коллектив, иными словами, совершил акт приспособления к новой среде. А пластичность характерна для многих видов животных и описана М.Е. Лобашевым, который сформулировал следующие выводы, применимые и к нашему материалу:

«Процессы индивидуального приспособления у всех животных осуществляются с помощью механизма условного рефлекса.

1) Приобретение в онтогенезе условных связей с реальной действительностью обеспечивает животному анализ и синтез факторов внешней среды и активный выбор оптимальных условий для своего существования по данным сигналов.

2) Своевременная информация через сигналы о приближающихся событиях обеспечивает животному возможность осуществить профилактические адаптивные реакции и подготовить адекватным образом функциональное состояние организма.

3) Функциональная преемственность наблюдается: между поколениями – родителями и потомством, членами сообщества или стада, а для человека – преемственность цивилизации» [171, стр. 4 – 5].

Отсюда «поведение как приспособление целого организма является высшей формой активной адаптации». Один и тот же вид животного может дать особи светлюбивые и темнолюбивые, холоднолюбивые и теплолюбивые, что отвечает хрономическому принципу номогенеза [171, стр. 5; 29, стр. 180].

Условнорефлекторная (сигнальная) преемственность между поколениями осуществляется через контакт новорожденного 1) с родителями и 2) членами сообщества [171, стр. 8], что в применении к человеку называется традицией, которая не что иное, как стереотип поведения, передающийся путем сигнальной наследственности.

«Сигнальная наследственность для понимания развития человека и его цивилизации приобретает особое значение, так как ее положения полностью опровергают наличие расовых различий духовных свойств человека. Речь – „сигнал сигналов“ – создает условия для возрастания роли сигнальной или условной наследственности, обеспечивающей преемственность опыта между поколениями на основе физиологического механизма временной связи» [171, стр. 10].

Теперь переведем выводы генетика на язык этнолога. «Условные связи с действительностью, приобретаемые в онтогенезе», – это воспитание ребенка и обучение его тому, чем он будет всю жизнь кормиться и защищаться от врагов. В Полинезии учат плавать, в Сибири – ходить на лыжах, в древней Монголии – стрелять из лука и ездить верхом, в Европе – грамоте, чтобы человек читал газеты и принимал «профилактические меры» для избавления себя от неприятностей. Поведение, т.е. способность приспособить организм к новым условиям, рассматривается как результат биологического признака – способности к изменчивости. Но последняя не безгранична, и потому мы наблюдаем вымирание новых видов или, в нашем случае, этносов.

Появление же новых этносов, в данном аспекте, означает, что в силу способности к изменчивости изменился стереотип поведения, и, значит, возникла новая традиция или сигнальная наследственность, иными словами, новая культура, не частностями, а коренным образом отличающаяся от прежней. Тем же самым определяется переход особи из одного этнического коллектива в другой, достаточно далекий, т.е. явление ренегатства или инкорпорирование «чужака» (при родовом строе).

Отсюда же вытекает, что нет людей вне этноса. Человек может не знать своего происхождения, забыть родной язык, не иметь никаких религиозных или атеистических представлений, но без поведения в коллективе он жить не может. А поскольку именно характером поведения определяется этническая принадлежность, то все люди сопричастны этносфере. Поэтому биологический подход, как и географический, позволяет рассмотреть этнос как явление глобальное, имеющее собственные закономерности становления, т.е. появления, видоизменения и исчезновения. Рассмотрению этих свойств этноса, как такового, будут посвящены следующие разделы.

2. Одним из наиболее важных свойств вида *Homo sapiens* является его приспособленность к различным природным условиям. Иначе этот вид не мог бы распространиться так широко по поверхности Земли. Однако изучение миграций показывает, что в подавляющем большинстве случаев способность к адаптации весьма ограничена.

При миграциях народы стремятся выбрать географические условия ландшафта, как можно более напоминающие родину. Так, англичане не заселили ни Индию, ни тропическую Африку, ни Малакку и Саравак, оставаясь там на положении колониальных чиновников, непосредственно не связанных с природой этих стран. Зато они наводнили страны умеренного пояса: Северную Америку, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию. Русские крестьяне расселились по лесостепной полосе Сибири, а казаки – по долинам сибирских рек, турки – по водораздельным степям, арабы осваивали оазисы среди пустынь, эллины – берега Средиземного моря и т.д. При этом этническая инерция была настолько сильна, что, даже меняя ареал, народы сохраняли свойственный им облик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.